
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.1

DOI: 10.25730/VSU.2070.21.015

«История состояний» и «история событий» в научном дискурсе М. М. Хвостова

М. В. Новиков¹, Т. Б. Перфилова²

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

²доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.

Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается система взглядов М. М. Хвостова на характер общественной эволюции применительно к истории народов Древнего мира. Отмечается эклектичность представлений ученого, наиболее ярко проявившаяся в ходе его рассуждений по важной для философии позитивизма проблеме о взаимодействии «истории состояний» и «истории событий». «Состояние» в трактовке ученого – это «общие перемены» и «сходное в отдельных событиях», «события» – случайность, «катастрофический элемент». Обращается внимание на своеобразное толкование Хвостовым понятия «катастрофа», аналогами которого он считал «случай», «событие», «момент». Отмечается попытка Хвостова, как и многих представителей «критического» позитивизма, психологизировать исторический процесс, найти причины возникновения «катастроф» в своеобразии психологии индивидов и социальных групп, из которых состоит общество: чем больше своеобразия, тем больше «катастрофического элемента в обществе», тем более такое общество будет отклоняться от непрерывного последовательного процесса эволюционного развития. Обращаясь к проблеме личности в истории, Хвостов утверждал, что, как бы ни была грандиозна и значительна личность, включая Александра Македонского, Юлия Цезаря, Петра Великого, она «не может произвести значительных переворотов в состояниях», хотя в истории отдельных «событий», таких как революция, игнорировать роль личности было бы опрометчиво. Подчеркивается, что Хвостова всегда влекло к выделению главного и существенного в историческом развитии, он стремился понять природу массового, типичного, обнаружить устойчивые связи между событиями и явлениями, найти исторические аналогии. В то же время отмечается нежелание Хвостова серьезно обратиться к проблеме соотношения понятий «история состояний» и «история событий», принять, что эти два понятия являются двумя сторонами одного и того же исторического процесса, образующего устойчивую систему, что между ними есть взаимоотношения, и «состояния» могут влиять на «события», а «события» – на «состояния».

Ключевые слова: «история состояний», «история событий», человеческое общество, эволюция, революция, катастрофа, историческая личность, эклектизм.

Продолжая серию публикаций об известном российском историке с трагической судьбой Михаиле Михайловиче Хвостове (1872–1920), мы рассмотрели этапы его профессионального роста [9; 10; 11] и приступили к анализу попыток Хвостова внести свой вклад в развитие теоретико-методологических основ исторической науки. В этой связи мы обратились к главным для его научной картины мира концептам – «общество» и «эволюция» [8], которые в ходе трактовки ученым сложного и многогранного исторического процесса дополнились рядом существенных характеристик. Они не противоречили формату «критического» позитивизма, в парадигме которого [7, с. 244, 245] М. М. Хвостов вел свои исследования, но все же в большей степени выдавали в нем не «чистого» историка, а создателя социологической истории.

Данная статья, посвященная важной для сознания казанского профессора и философии позднего позитивизма сочлененности «истории состояний» и «истории событий», подтверждает это.

Стройная, на первый взгляд, система взглядов М. М. Хвостова на характер общественной эволюции неожиданно приобретает принципиально иной смысл, когда он начинает разбирать проблему соотносимости «истории состояний» и «истории событий», из которых складывался, по его мнению, исторический процесс [22, с. 23]: идея континуальности – главный посыл эволюционной теории, которую он безраздельно принимал, парадоксальным образом начинает трансформироваться в идею дискретности исторического процесса, то есть прерывистости его плавных, пластичных, органических преобразований. Создается впечатление, что он отказывается от убеждений, которые постулировал прежде.

Чтобы разобраться в этой путанице, мы сравнили содержание «Лекций по методологии и философии истории» с учебной продукцией профессора и смогли удостовериться в том, что его исследования следует подразделять не только на два, слабо согласованных между собой регистра, социологический и научно-исторический, но и внутри социологической версии истории – пытаться распознавать разные уровни, образовавшиеся при слиянии воедино разных теоретико-методологических подходов к трактовке общественных явлений.

Эклектичность представлений ученого на процесс общественной эволюции особенно ярко, на наш взгляд, выступает в ходе его рассуждений о сочлененности «истории состояний» и «истории событий».

Самому М. М. Хвостову было важно разобраться в том, как «типичнейшие формы эволюции общества» [22, с. 20], рассмотренные с социологической точки зрения, соотносятся с конкретным «историческим материалом», где «длительные состояния», или «общие перемены, общие состояния», переплетаются с «отдельными событиями», или «частичными переменами» [22, с. 22, 23]. Применительно к «понятию эволюции человеческого общества» это означало «не только смену состояний, но и смену событий. Поэтому, если мы и можем намеренно ограничиться в известных случаях характеристикой состояний, игнорируя события (давая, например, общий очерк эволюции данного общества на протяжении нескольких веков), то это будет лишь удобством изложения, но отнюдь не изучением», – заключал М. М. Хвостов, ибо «чем ближе мы будем вникать в изучение эволюции общества, тем более мы должны будем заняться анализом отдельных моментов, отдельных событий, которые порождают другие события и сами порождаются бесконечно сложными и многообразными явлениями человеческой общественности; события образуют бесконечную цепь, обуславливая... колеблющуюся, неравномерную эволюцию общества...» [22, с. 28, 29].

Руководствуясь этими рассуждениями, М. М. Хвостов вносит уточнение в определение понятия «состояние»: это не просто «общие перемены», а «сходное в отдельных событиях» [22, с. 22]. На время покидая социологический контекст и вспоминая об индивидуализирующем характере истории, М. М. Хвостов даже заявляет о том, что именно событие стоит в центре внимания историка, а «состояние» относится к конструкции «нашего ума», который «в отдельных случаях... находит нечто общее, сходное» в изучаемом историческом процессе [22, с. 22].

Что касается дефиниции «события», то это, в его трактовке, случайность, «катастрофический элемент», который постоянно вторгается в историю общества. «Вот почему, – утверждает профессор, – эволюция общества катастрофична, как и вся эволюция мира» [22, с. 24]. Проводимые им в этой связи примеры из мира «мертвой природы»: геологии (теория сдвигов и сбросов), географии история местностей, измененная землетрясениями и вулканами) – с дополнениями из области биологии (роль мутаций в нарушении непрерывной последовательности эволюции видов) подводят ученого к выводу, полностью противоречившему ранее высказанному утверждению о континуальном развитии «предметов», «эволюционирующих объектов», «новообразований», – в общем, «чего-либо».

Современная наука, делает он вывод, исходя из примеров «скачков» и «взрывов» в природной среде, «склонна к такому пониманию эволюции: группа явлений, действительно, создает последовательный процесс, но каждый отдельный момент процесса есть “катастрофа”, есть в известном смысле “случайность”» [22, с. 24].

Словно забывая о настойчиво проводившейся прежде идее органичности, плавности, постепенности процесса эволюции, М. М. Хвостов продолжает далее развивать мысль о подверженности сложноорганизованного общества людей «резким изменениям», «резким отклонениям» в ходе своего развития. Он делится наблюдениями, имевшими важное значение для его понимания исторического процесса в целом: «Чем общество выше по культуре, тем сложнее его эволюция», потому что оно резче первобытных коллективов «будет уклоняться от непрерывного, последовательного эволюционного ряда» [22, с. 26]. Кроме того, чем по-

дробнее историк стремится изучать эволюцию, чем пристальнее он «вглядывается» в детали общественного процесса, тем больше ему придется считаться «с элементом случайности, с отдельными катастрофическими моментами» [22, с. 27]¹. Даже такая, на первый взгляд, малоподвижная область общественного развития, как экономика, при ближайшем рассмотрении оказывается синтезом «маленьких “катастроф”»: открытие европейцами новых материков, появление новых средств передвижения и видов коммуникации, последствия процесса накопления капиталов – все эти и другие изменения в истории хозяйственного быта – нарушают естественный ход экономической эволюции, «разлагая ее в конечном счете на те же отдельные предприятия, события» [22, с. 27].

Чего же следует ожидать от полностью непредсказуемой политической жизни? Естественно, здесь «катастрофическому элементу» будет принадлежать еще более значительное место. К примеру, если во главе государства окажется «особенно одаренный» человек, то он, хотя и не в состоянии будет сдерживать сам эволюционный процесс, все же использует свои возможности для того, чтобы «ускорить его или дать ему несколько иное направление» [22, с. 27, 28].

«Скачки в процессе накопления знаний» – это тоже «“катастрофы” и “случайные события”», которые способны нарушить постепенный характер развития общества [22, с. 27].

Из приведенных материалов становится ясно, что М. М. Хвостов не разделял события по степени их значимости, поэтому и не делал различий между лексемами «событие», «случай», «момент», «катастрофа». Следовательно, его не смущала и не могла смутить подмена вполне нейтрального по смыслу слова «событие», которое в методологии позитивизма было тождественно историческому факту [14, с. 459], на слово «катастрофа», несущее в себе ярко выраженный смысл внезапного, непредвиденного, разрушающего, агрессивного действия, нередко влекущего за собой гибель всего живого [13, с. 220]. Катастрофу нельзя воспринимать иначе как антипод эволюции: она представляла смертельную опасность для сбалансированной социальной системы, приближая ее к краху или преждевременным перерождениям.

Много ли «катастроф» было в истории народов Древнего мира, предложенной вниманию студентов профессором М. М. Хвостовым в лекционных курсах? Желая получить ответ на этот вопрос, обратимся к соответствующим материалам, из которых нам станет ясно, насколько точно историософские положения профессора соответствовали его взглядам на конкретику «истории состояний» и «истории событий» древневосточных и античных государств.

Великолепный знаток древневосточной и античной истории, он с большим мастерством и дотошностью эрудита излагал панораму политических коллизий и социальных бурь у африканских, азиатских и европейских народов на всем протяжении их многовекового существования. Интерес к «чисто историческому фактическому материалу» [17, с. 8] был у него в крови: без факта, подлинность и достоверность которого устанавливались кропотливыми и тщательными исследовательскими процедурами [17, с. 8, 22, 85–87], история для него как профессионала не представляла никакой ценности.

Однако насыщенная событиями история народов Древнего мира, всегда излагавшаяся в хронологической последовательности фактов, не становилась основой деления учебных курсов на периоды. История войн и переворотов под пером М. М. Хвостова превращалась во внутренне обусловленный процесс изменений взаимосвязанных и взаимозависимых экономических, социальных, политико-правовых, культурно-идеологических «элементов», составлявших фундамент жизни и развития древневосточных и античных обществ. Хотя история великих полководцев и правителей, реформаторов и «революционеров» не исчезала из поля его зрения, она трактовалась частью истории народов, изучение всех сторон жизни которых: технологических процессов, форм собственности, классовых и сословных отношений, государственного устройства, религии, науки и искусства, нравов и традиций – стало для него целью профессиональной исследовательской деятельности и выражением принципиального нового – социологического – подхода к историческому процессу.

Например, разделив историю Эллады, занимавшей большое место в его наукотворчестве, на пять периодов («Эпоха эгейской культуры», «греческое Средневековье», «период классической, или городской, Греции», «эллинистический период», «период римского владычества в Греции» [17, с. 35–37; 19, с. 542–545]), М. М. Хвостов как будто забыл упомянуть о самых резонансных, знаковых событиях в истории греков. О наличии таких узловых, поворотных моментов, которые сообщали историческому процессу новое содержание, мы узнаем не из периоди-

¹ Аналогичные рассуждения есть и в статье М. М. Хвостова «К вопросу о задачах истории» [21, с. 820].

зации древнегреческой истории, а из «Оглавления»². Кроме того, какой бы факт из истории Древнегреческой цивилизации мы не взяли: будь то Греко-персидские войны или македонское завоевание, обострение социальных противоречий, переходящих в «революции» [17, с. 150, 224, 227], или внутри- и «межпартийную» борьбу [17, с. 142, 214, 230–232, 236] – ни одно из этих или других подобных – на самом деле, взрывных по силе – событий не являлось «катастрофой», грозившей полным уничтожением греческой самобытности и прекращением процесса ее развития. В новой историко-культурной среде, с новыми хозяйственными потребностями, материальными и интеллектуальными запросами, с новой расстановкой профессиональных групп, социальных страт и политических сил безостановочное движение по вектору «только вперед», по ступеням прогресса в экономической, государственно-правовой, религиозной, «чисто культурной» сферах [17, с. 124, 130, 137, 196] ведущих греческих полисов продолжалось. Даже редкие периоды «регресса» – например, «понижения культуры (гомеровских греков. – М. Н., Т. П.) сравнительно с микенским временем» – могли сочетаться с «прогрессом... в некоторых отношениях» [17, с. 76, 85] и, более того, – с формированием «феодального» уклада жизни, более «правильного» и совершенного по сравнению с предшествовавшей «доисторической эпохой» [17, с. 36]³.

Плавному течению истории не могли воспрепятствовать даже «экономические и связанные с ними социальные перевороты», к примеру обусловленные «постепенной» ликвидацией «старых феодальных порядков» гомеровского времени: во-первых, потому, что перевороты эти были, по утверждению автора, исподволь подготовленными; во-вторых, они шли с различной интенсивностью, не охватывая сразу весь греческий мир; в-третьих, потому, что любая историческая эпоха, как отмечал М. М. Хвостов, прежде всего, наполнена «рядом исторических процессов» [17, с. 36], а они, как известно, характеризуют не «историю событий», а «историю состояний», или «общих перемен», которые осуществляются «в течение продолжительного периода» [17, с. 23, 82].

Составленные ученым периодизации истории народов древности как нельзя лучше подтверждали континуальный, а не дискретный характер процессов их эволюции, так как в основе называвшихся процессов лежали очевидные в ретроспективном анализе значимые историко-культурные изменения, затрагивавшие уклад жизни обывателей Востока и Запада. Границы между выделенными периодами устанавливались не на основании «катастроф», способных потрясти до основания реконструированную историческую действительность, а в ходе логических операций, сопряженных с формализованным дискурсом, во имя сугубо научных и педагогических целей. «В исторической периодизации, – совершенно справедливо замечал М. М. Хвостов, – точной грани нельзя провести. Всякое деление на периоды искусственно: резких переходов от одного периода к другому не бывает» [17, с. 5].

Самой красноречивой иллюстрацией сказанному является уже упомянутая выше периодизация древнегреческой истории. В ней нет указаний на какие-либо события, даже самого судьбоносного характера, которые могли бы выполнить роль поворотных пунктов истории и стать водоразделами между смежными периодами⁴. Она лишена имен даже самых выдающихся эллинов. Такой прием, на наш взгляд, использован М. М. Хвостовым осознанно. По его представлениям, у истории нет творцов – она задается процессами, вызревавшими самопроизвольно, вне зависимости от сознания и воли тех, кто хотел бы историей управлять.

Итак, «историю Древней Греции можно разделить на следующие пять периодов: 1) *эпоха Эгейской культуры*, когда на европейском и азиатском побережье и островах Эгейского моря впервые развивается значительная культура; строго говоря, эта эпоха представляет из себя ряд исторических процессов, в которых играет роль не только греческое, но, вероятно,

² К ним относились: «Борьба греческих городов-государств с соседями (Греко-персидские войны)»; «Борьба Афин со Спартой за преобладание (Пелопоннесская война и ее предвестники)»; «Внутренний кризис в государствах-городах (классовая борьба) и попытки новых государственных образований в первую половину IV века»; «Македонское завоевание» [17, с. 261, 262].

³ «Греческим Средневековьем», характеризующимся господством «землевладельческой знати, феодализмом, зависимым положением значительной части низших классов... преобладанием натурального хозяйства», М. М. Хвостов называет «гомеровский период». Его аналогом «в общественном и государственном укладе» был «строй средневековой Европы» [17, с. 36].

⁴ Ш.-В. Лангла и Ш. Сеньобос, монографию которых М. М. Хвостов рекомендовал студентам для постижения методологии истории [22, с. 7, 85], утверждали, что «средство для разграничения периодов дают события» [4, с. 200].

и догреческое население данной географической области... 2) *греческое Средневековье*... Этот период в новейшей историографии получил такое название, ибо основные явления в общественном и государственном укладе его во многом напоминают строй средневековой Европы (преобладание натурального хозяйства; феодализм, господство земледельческой знати, зависимое положение значительной части низших классов; религиозная окраска духовной культуры)... 3) период классической, или городской, Греции (господство *полиса* как формы социальной жизни). Этот период начинается экономическим и связанным с ним социальным переворотом, охватившим значительную часть греческих поселений и уничтожившим здесь постепенно старые феодальные порядки; характерной особенностью этого периода является интенсивное развитие городских центров... В культурном отношении этот период характеризуется разложением древних религиозных представлений, появлением «светской» науки и философии, пышным расцветом разных видов искусств в городских центрах... 4) *эллинистический период* есть время, когда появляются более сложные формы экономической жизни (широкое развитие обмена); полис... разлагается и на его место заступают новые государственные организации, зачатки которых... имелись уже в предшествующем периоде; это по преимуществу или феодальные республики или более или менее значительные монархии. В культурном отношении этот период характеризуется, главным образом, широким распространением греческой культуры за пределы классической Греции, развитием специальных наук... 5) *период римского владычества*, являющийся, в сущности, завершением эллинистического периода: развитие обмена в сфере экономической жизни тесно связывает, прямо или косвенно, область Эгейского моря с остальным бассейном Средиземного моря, включая и западную его часть; одновременно с этим экономическим объединением происходит и объединение политическое, которое в результате ряда сложных исторических процессов завершается включением греческих обществ в состав Римского государства... С этих пор судьба Греции тесно связана с судьбами поздней Римской республики, а затем и Римской империи» [17, с. 35–37. Курсив автора].

Концепция периодизации истории Древнего Рима тоже сохраняет в неизменном виде наиболее важные для ученого ориентиры на «историю состояний». Вновь в центре научных интересов М. М. Хвостова – разворачивание исторического процесса: сначала в Риме-городе, затем – в Италии и, наконец, – в Римской мировой державе. Вновь повествование организовано по схеме: экономическая жизнь, общественные отношения, государственно-политическое устройство, религиозно-культурные достижения. В социологизированной схеме внутри- и внешнеполитического развития Рима по-прежнему не хватает места историческим персонажам. Они словно прячутся за процессами; во всяком случае, «история состояний» заполняет собой «историю событий». И хотя внутри пяти периодов древнеримской истории нам встречается гораздо больше точных дат (что бросается в глаза на фоне их отсутствия в периодизации истории Древней Греции), произвольность или случайность выделенных хронологических рубежей⁵ дает основания относиться к ним как к меткам,

⁵ Если при периодизации древнегреческой истории М. М. Хвостов оперирует только веками (XI–VIII вв. до н. э.; VII – вторая половина IV в. до н. э.; конец IV – начало II в. до н. э.; начало II в. до н. э. – конец V в. н. э.), то в ходе деления истории Древнего Рима на периоды он использует твердо фиксируемые даты, соответствующие тем или иным событиям. Эти события не всегда были «эпохальными», а нередко называвшиеся события располагались «внутри» периода, то есть не совпадали с обозначенными временными рамками.

Первый период («с незапамятных времен до 400 или 391 г. до Р. Х.») соответствовал древнейшему этапу существования Рима-города, когда «в экономическом отношении... преобладает домашнее хозяйство примитивного типа» со слабо развитым обменом; «в социальном быту мы замечаем два основных класса – патрициев и плебеев... в политическом отношении Рим является городской общиной; культурное состояние его характеризуется низким уровнем; религия примитивна».

Второй период (400(391)–272 гг. до н. э.) начался с завоевания гражданами Вечного города Этрурии (396–387 гг. до н. э.). Утверждая, что «римское государство во многом изменяется», М. М. Хвостов перечисляет эти изменения: развивается обмен, происходит уравнивание сословий (видимо, патрициев и плебеев, которые прежде назывались «классами»); Рим превращается в «федерацию различных общин – сельских и городских», которые находились на всей территории Апеннинского полуострова.

Третий период (272–30 гг. до н. э.) начинается с важных внешнеполитических событий – борьбы римлян с эпирским царем Пирром и превращения Рима в хозяина Италии, что, в свою очередь, обеспечило гарантии экспансионистской политике римских полководцев на побережье Средиземного моря.

Экономический уклад характеризуется «сложными международными экономическими отношениями», развитием денежного хозяйства. Появление на этой основе новых «классов»: всадников – владельцев «денежного капитала» и обезземеленного крестьянства – приводит к началу «классовой борьбы», в

ориентирам в линейном развертывании исторической эволюции Древнеримской цивилизации.

Непрерывное эластичное полотно истории, растягиваясь под пером историка до реконструкции «истории состояний», поглощает в себя и нивелирует роль «гениев» – «даровитых личностей»: «в хозяйственной жизни личность играет небольшую роль», «даже в искусстве личность не может повернуть общий ход его на другой путь»; «отдельные события могут измениться под влиянием личности, но общий ход политической жизни не может быть изменен» [22, с. 78, 79].

Личность, как бы грандиозна по своим масштабам она не была, «не может произвести значительных переворотов в состояниях», решительно заявлял М. М. Хвостов, ибо для выполнения этой роли «нужно, чтобы она гармонизировала с условиями общественной жизни» [22, с. 80, 82]. Казалось бы, кто больше А. Македонского мог изменить ход античной истории? «Им было произведено объединение Балканского полуострова, Передней Азии и Египта, – перечислял заслуги великого полководца профессор, но тут же предлагал учитывать обстоятельства, без которых этих побед просто не могло бы быть. – Но нужно считаться, во-первых, с тем, что почва для такого объединения была подготовлена до Александра Филиппом Македонским. Мало того: ее подготовили еще Персидская монархия и даже Ассирия... Объединительная работа (А. Македонского. – М. Н., Т. П.) удалась лишь в тех местностях, где была установлена уже известная связь между завоеванными народами...» [22, с. 80, 81]

Ход римской истории при помощи «идеи Римской империи» пытался изменить Г. Юлий Цезарь, жизнь России – Петр Великий, хотя «почва для монархического строя (в Римской республике. – М. Н., Т. П.) подготовлялась и без Цезаря», а деятельность Петра I имела успех лишь потому, что соответствовала «тогдашним потребностям общества» и была тесно связана «с теми процессами, которые имели место еще в XVII в.», убеждал свою аудиторию М. М. Хвостов [22, с. 81].

Следовательно, даже исторические знаменитости, великие полководцы и гениальные политики не могут коренным образом «изменить того, что создавалось веками», подчинить своим планам глубинные силы и естественно протекавшие процессы развития народов, направить движение истории вспять, делал вывод ученый [22, с. 82], не способный предвидеть последствий эпохальных событий 1917 г.⁶

Вместе с тем он замечал, что «в истории отдельных событий» игнорировать личностное начало было бы опрометчиво, так как «роль личности стусевывается» только тогда, когда «мы изучаем общество в большом масштабе», в контексте «длительных состояний», «в течение продолжительного периода». Чтобы сделать свои доводы более выразительными, он даже приводил пример из географии: «Когда мы рассматриваем известную местность с высокой горы, мы не замечаем деталей: мы можем видеть, что пересекающие эту местность реки текут в определенных направлениях, но мы не заметим всех извилин реки, цвета воды, характера берегов и т. д. Это будет заметно лишь при рассмотрении отдельной части данной местности с более близкого пункта. Но тогда ведь перед нашими глазами останется лишь кусочек преж-

которую включаются также римские союзники в Италии и провинциалы, лишенные гражданских прав. «Культурная сторона жизни» отмечена проникновением «эллинистической образованности» и религии. Опуская в своем кратком обзоре основных этапов развития Римской цивилизации бурные события гражданских войн и их главных действующих лиц, автор приступает к общей характеристике четвертого периода (30 г. до н. э. – 235 г.) – эпохе ранней Римской империи. М. М. Хвостов, сохраняя избранный алгоритм объяснений: надындивидуальных эмпирических обобщений, – сообщает: «В экономическом отношении мы видим дальнейшее развитие промышленности и торговли... В социальном отношении... дальнейшую эволюцию классов»: стирание сословных границ, сокращение числа крестьян-собственников, развитие рабства, рост «промышленных и торговых классов». Политический строй характеризовался сломом республиканских органов власти, что, по представлениям преподавателя, было прогрессивным процессом, так как «империя устранила господство небольшой группы привилегированных граждан».

«Расцвет смешанной греко-римской культуры» составлял суть «культурных отношений».

Пятый период (235–476 гг.) – «от конца династии Северов» до падения Западной Римской империи – был «эпохой регресса», которая отмечена нашествием варваров, нарушением «правильных торговых сношений» и возвращением к домашнему хозяйству, закрепощением «всех классов», установлением господства бюрократии. Духовная культура, по мнению автора, «сильно понизилась», и даже христианство утратило «свою духовную сущность» [20, с. 1–6].

⁶ «Учитель» М. М. Хвостова «по Московском университету» [16, с. XXVII] П. Г. Виноградов также не абсолютизировал роль личности в истории [5, с. 78].

ней картины. Точно так же и роль отдельной личности будет тем заметнее, чем на меньшем протяжении времени и пространства мы будем рассматривать исторический процесс, то есть если мы сначала оторвем свой взор от потока исторической жизни в его целом и обратимся к данному ограниченному ее пункту» [22, с. 82, 83].

Эти наблюдения автора весьма примечательны. Заметно его желание донести мысль о том, что «катастрофичность» исторического процесса не следует соотносить даже с вмешательством личностного фактора, который больше других при соответствующих обстоятельствах мог бы повлиять на исход тех или иных событий.

В этой связи любопытно было бы узнать, в чем заключалась роль личности во время революций и что из себя представляла революция, с точки зрения М. М. Хвостова.

Слова «революция», «революционный» нередко встречаются в лекционных курсах преподавателя⁷. Революционные преобразования отмечены им и в Древней Греции, и на Древнем Востоке. Например, в Древнем Египте М. М. Хвостов смог обнаружить сразу три вида «революций»: дворцовую, выражавшуюся в преследовании и истреблении Тутмосом III «сподвижников» его мачехи, Хатшепсут [18, с. 142, 155]; религиозную, инициированную Аменхотепом IV попытку внедрения единобожия, что вызвало «ожесточенную борьбу правительственной партии» со жрецами и «народными массами» [18, с. 156, 192]; и социальную – «забастовки» «рабочих» некрополя при Рамзесе III [18, с. 165].

Не подлежит сомнению, что в ходе названных событий в стране пирамид происходили важные изменения, но их трудно назвать глубокими, коренными или фундаментальными. При Тутмосе III уничтожалась оппозиция укреплявшейся государственной власти и создавалась «военно-бюрократическая монархия»; при фараоне-реформаторе Аменхотепе IV (Эхнатоне) предпринимались усилия для искоренения традиционных верований египтян, изменения их религиозного сознания, насаждения монотеизма; при Рамзесе III решалась задача сглаживания обострившихся противоречий между «верхами» и «низами».

В ходе указанных потрясений социально-политического характера использовались насильственные методы, направленные на ликвидацию внутренних проблем государства, что сближает египетские «революции» с образцами коренного качественного переустройства общества, известными науке как революции.

О масштабе «революций» свидетельствуют их итоги. Расправившись с непокорными вельможами, Тутмос III активизировал политику создания надежной опоры своей власти – армии, используя ее «для укрепления внутреннего порядка» и роста могущества Египта на мировой арене. Попытки Аменхотепа IV ослабить жречество бога Амона имели кратковременный успех и вскоре были сведены на нет его преемниками; политеизм искоренен не был. Кардинального изменения положения непосредственных производителей при фараонах XX династии не произошло, и временное ослабление эксплуатации «рабочих» некрополя не стало началом ликвидации «крепостничества» в Древнем Египте.

Таким образом, коренных изменений ни в форме государственной власти, ни в религиозном мирозерцании, ни в положении трудящихся масс «революции» не вызвали. «Скачкообразного перехода» от одного состояния египетского общества и государства к другому, то есть фундаментальных перемен в социально-политическом устройстве и религиозной картине мира, – тех изменений, которые можно было бы отождествить с революционными преобразованиями, в Египте Нового царства не случилось, да и не могло случиться, так как «революционным» изменениям подвергалась всего одна сторона сложного многогранного древнеегипетского исторического процесса, которая не предполагала резкого разрыва с предшествующей традицией, насильственного преобразования государственных и общественных институтов [14, с. 427].

Получается, что никаких весомых оснований для определения революциями дворцовых, религиозных, социальных потрясений в Египте Нового царства у профессора не было.

Видимо, М. М. Хвостов под влиянием событий 1905–1907 гг. в России ввел в свой лексикон революционную терминологию и, характеризуя напряженные внутривосточные ситуации в Древнем мире, подменял понятия «переворот» и «революция», «социальная рознь», «классовая борьба» и «революционное движение» [17, с. 205, 214, 226, 227; 18, с. 158]⁸.

⁷ Так, М. М. Хвостов упоминает об «олигархической революции», «революции... на почве классового антагонизма» в Древней Греции [17, с. 214, 227].

⁸ В магистерской диссертации «экономический упадок» и «политические неурядицы», наступившие с прекращением правления династии Северов, называются «революционным периодом второй половины III века» и «временем революции III века» [16, с. 412, 417].

Вместе с тем, профессору вновь со всей очевидностью удалось выразить мысль о том, что даже революция не является «катастрофой» для исторического процесса, так как не прерывает его «магистрального направления». Да, действительно, мог рассуждать он, государство, пострадавшее от множества «революций», ярче других демонстрирует восходящие и нисходящие ветви эволюции, но и эти сменявшие друг друга циклы существования этого государства не подвергают сомнению непрерывность протекания поступательных процессов или хотя бы отдельных их сторон, что в целом позволяет говорить о доминировании прогрессивной тенденции над регрессивной.

Выходит, что губительным для отдельных «культур», или цивилизаций, мог быть только неуправляемый разгул стихии, то есть настоящее, а не рожденное в сознании ученого, бедствие непреодолимой силы. Сродни катастрофе для многих народов древности были непредсказуемые последствия завоевательных походов вероломных агрессоров. Однако случаи подобного рода в своих научных и учебных штудиях М. М. Хвостов подробно не рассматривал, а только намекал на их существование [22, с. 39], как и на необходимость принятия их во внимание при изложении схожих событий во всемирно-историческом масштабе.

Напротив, во всех известных нам учебных курсах исторический процесс представлен однонаправленным непрерывным потоком, который «останавливается» не судьбоносным событием, а исключительно волевыми усилиями профессора, намеревавшегося с социологической или общеисторической точек зрения упорядочить, проанализировать или обобщить его. Исходя из логики изложения отобранных и систематизированных материалов, а также руководствуясь преднамеренными дидактическими целями, он мог, например, применительно к истории Древней Греции рассматривать исторический процесс как развитие вообще, используя для этого такие выражения, как «эволюция государств», «эволюция Афин, Арголиты», «эволюция на почве классовой борьбы» [17, с. 130, 131, 149]. Если ему надо было выделить отдельные направления изменений в древнегреческих полисах, то он прибегал к словосочетаниям: «эволюция общества», «экономическая эволюция», «политическая эволюция» [17, с. 30, 31, 33, 131].

М. М. Хвостову важно было также определить и «степень культуры», то есть достигнутый уровень историко-культурного развития, в постепенно, но постоянно развивающихся греческих полисах, и он добивался поставленной цели через экспликации достижений эллинов в различных, но взаимосвязанных сферах «политической, экономической, культурной жизни» [17, с. 31, 33, 34].

Аналогичные методы познания процесса исторической эволюции применялись им и при изложении курса древневосточной истории. Обобщающие фразы: «развитие культуры»⁹, «эволюция восточных обществ», «древневосточные культуры прогрессируют», «культурный прогресс» [18, с. 7, 8, 14, 192] – сочетаются с выражениями, конкретизирующими результаты произошедших изменений в жизни народов Древнего Востока: «этапы экономического развития», «социальная эволюция», «эволюция государственных форм», «эволюция частноправовых отношений», «эволюция религии» [18, с. 8, 10–12].

Эта лексика, соответствовавшая осуществленным реконструкциям «истории состояний», но никак не «истории событий», передавала значимую для исторического мышления М. М. Хвостова идею непрекращавшихся ни на мгновение исторических изменений: обновления, роста, преобразований всех сфер жизни человеческого сообщества, в каком бы регионе Земли оно не осуществляло свое развитие.

Таким образом, в изложении М. М. Хвостова история народов древности не имела ничего общего с его же заключением о неравномерном, скачкообразном, «катастрофичном» характере исторического процесса. Даже являясь адептом идеи Г. Риккёрта об индивидуализирующем содержании истории, он не смог превратить историю Древнего мира в сплошную «историю событий» – в отбор одних лишь неповторимых фактов, не мог изображать эволюцию как сумму фактов, действий, поступков «героев» и масс. Его всегда влекло к выделению главного и существенного в историческом развитии; ему важно было понять природу типичного, массового, характерного. Он стремился обнаружить устойчивые исторические связи между событиями и явлениями; ему важно было отыскивать исторические аналогии – своеобразные повторения схожих по содержанию процессов на новых витках развития изучавшегося общества или ряда древних «культур».

⁹ Лишенное дефиниции понятие «культура» используется М. М. Хвостовым в разных значениях: как аналог «цивилизации», «страны», «народа», «общества» [18, с. 5–7, 14].

Однако он, в отличие от Р. Ю. Виппера [12, с. 186–189], ни разу не сделал попытки порассуждать о проблеме соотношения «истории состояний» и «истории событий». Объединяя в учебной практике состояния и события и никогда не противопоставляя их, М. М. Хвостов, тем не менее, ни разу не обратил внимание своей аудитории на то, что не бывает динамики без статики, порядка без его нарушения; он никогда не акцентировал тот факт, что общество всегда находится в движении и одновременно образует устойчивую систему, и эти две стороны одного и того же исторического процесса объективно существуют, и между ними есть взаимоотношения: события могут влиять на состояния, а состояния на события. Мысль о том, что выделение независимых друг от друга «истории состояний» и «истории событий» может являться следствием влияния теоретико-методологических концепций или подходов, одинаково важных для научного исследования, также не была донесена до сознания студентов. Единственное, на что указал профессор, заключалось в выводе: «Историческая наука... должна считаться столько же с “катастрофами” и событиями, сколько с общими состояниями (в которых, надо заметить, опять-таки имеет место катастрофический элемент). Поэтому совершенно логически необходимо должна быть, кроме “истории состояний”, также и “история событий”» [22, с. 28].

Если под словом «катастрофа» понимать глубокое, коренное изменение в плавном развитии общественного процесса, то есть не что иное как революцию, то противопоставление «катастрофы» вполне безобидным фактам истории, или рядовым событиям, как в этой цитате, вполне оправдано. Однако в приводившихся прежде высказываниях такого отчетливого разделения не было, поэтому все использовавшиеся профессором аналоги «катастрофы»: «случай», «момент», «событие» – вызывали у нас противоречивые реакции и вполне обоснованные сомнения, тем более, что М. М. Хвостов старался не замечать негативных атрибуций лексемы «катастрофа». Однако, догадываясь, что при акцентировании катастрофичности или случайности в историческом процессе история может превратиться в хаос не поддающихся объяснению фактов и явлений, он смягчил категоричность своих высказываний: «Конечно, современная наука не может разделять взгляда Кювье¹⁰, который сводил всю историю земли к катастрофам, но она усматривает в эволюции ряд частичных, отдельных катастроф» [22, с. 24]. Они придают историческому процессу скачкообразный характер, поэтому «общественная эволюция, – заключал он, – протекает... не равномерно, а скачками, “событиями”» [22, с. 39].

Но, если после этих слов нам покажется, что мы узнаем все о судьбоносных событиях, способных изменить содержание исторического процесса (или хотя бы темпы, направления осуществления эпохальных перемен), то непременно ошибемся в своих ожиданиях. Вместо таких событий М. М. Хвостов перечислил причины, которые, на его взгляд, придавали общественной эволюции скачкообразный характер.

Главную причину, нарушавшую «правильность эволюции¹¹ каждого общества» [22, с. 39], исследователь, психологизируя социальные явления¹², видел в гетерогенности общественной

¹⁰ М. М. Хвостов упомянул имя Ж. Кювье (1769–1832) – французского палеонтолога, автора теории катастроф, сумевшего «одержать победу над ранним эволюционизмом Ламарка, Сент-Иллера». Известно, что его исследования повлияли на создание теории Ч. Дарвина, которая возникла «как антитеза катастрофизму Кювье» и поэтому элиминировала любые намеки на скачкообразность процесса развития, которые казались «неуместным возрождением только что отброшенных воззрений».

Когда появились теории наследственных мутаций, интерес к скачкообразному развитию вновь оживился, но столкновения дарвинистов и антидарвинистов были столь яростными, что они только усилили «неразбериху мнений», вместо того, чтобы дать дополнительный шанс для более глубокого «уяснения проблемы скачков».

Представители спиритуалистических философских систем ухватились за идею «перерыва постепенности» в эволюции видов, истолковывая ее как «разрыв в детерминистической цепи явлений», что напрочь убило желание дарвинистов «вводить скачки в свою концепцию развития» [15, с. 233, 234].

Интерес М. М. Хвостова к катастрофическому элементу в общественной эволюции был, по-видимому, отголоском этой хорошо ему известной научной полемики. Склонность к конформизму в очередной раз обнаружила себя в занятой им позиции совмещения плавной эволюции «истории состояний» со скачкообразной «историей событий», что, на наш взгляд, нарушало эволюционный вариант развития в виде поступательного прямолинейного движения общества с вектором «только вперед».

¹¹ Слово «правильность» может содержать указание на детерминированность исторического процесса.

¹² Психологизация исторического процесса входила в арсенал методологических средств познания прошлого у современников М. М. Хвостова: Э. Бернгейма, Г. Зиммеля, Н. И. Кареева [1, с. 63, 64, 125, 126; 2, с. 2, 3, 40, 152; 3, с. 98–117, 222–237, 256–297] – и других ученых.

О широком распространении подобной интенции см., к примеру: 6, с. 54–59, 70; 23, с. 76, 79.

среды: «Чем индивиды своеобразнее, – тем больше катастрофического элемента будет в истории общества, тем более общество в своем развитии будет уклоняться от непрерывного последовательного эволюционного ряда. Таким образом, – делал вывод М. М. Хвостов, – самый состав общества обуславливает катастрофический элемент в его эволюции» [22, с. 26].

Подобно «неоднородности» индивидов, отличающихся друг от друга физическими и психическими параметрами, «неоднородностью» страдают и группы, в которые интегрированы люди: «родовые объединения, классы, правительственные организации». «Эти внутренние силы», в свою очередь, наполняют «культурную среду», которая сама «эволюционирует», причем, подчиняясь силе «катастрофического элемента», делает это «скачками, как и данное общество». Враждебные отношения с «соседними обществами» также могли поколебать «правильность эволюции» и привести к неожиданным общественным изменениям [22, с. 38, 39].

Эти положения указывают на то, что мы вновь имеем дело с попытками М. М. Хвостова не замечать события грандиозного масштаба (которые было бы сродни «катастрофе») и выводить (вопреки заявлениям) ход рассуждений в привычное и понятное ему русло «истории состояний».

Само же намерение М. М. Хвостова актуализировать эволюционную теорию за счет «катастрофизма» Ж. Кювье и последовавшее за этим механическое соединение воззрений о континуальности и одновременной скачкообразности исторического процесса мы расцениваем как недостаточно продуманную логическую операцию, которая обрекала на разрушение создававшуюся профессором концепцию общественного развития.

Итак, не расставаясь с интенцией создавать социологическую историю, берущую истоки в «истории состояний», М. М. Хвостов при помощи лексемы «катастрофа» пытался восстановить в правах «историю событий», не задумываясь о том, что вносит разлад в свою же версию о форме протекания процесса исторической эволюции. Заявляя о том, что события определяют ход истории, он превращался в историка-практика, для которого событие являлось основой, исходным пунктом историографии. Но как надо было производить отбор значимых для историка событий, как отличить их от случая или происшествия, как соотносить микро- и макрособытия, охватывавшие значительный по протяженности отрезок времени? На серию этих важных для интерпретации исторического процесса вопросов ученый не давал ответа, потому что даже не задумывался над ними – об этом говорит, хотя бы, указанная нами терминологическая неразбериха в его самом главном историософском сочинении.

Однако несколько очень важных аспектов событийной истории М. М. Хвостов все-таки выделил. Это последовательность событий, их причинность и взаимозависимость.

Список литературы

1. Бернгейм Э. Введение в историческую науку / Пер. с нем. ; под ред. проф. С. Е. Сабина. Москва : Издание М. Н. Прокоповича, 1908. 185 с.
2. Зиммель Г. Проблемы философии истории (Этюд по теории познания) / Пер. под ред. В. Н. Линда. Москва : Книжное дело, 1898. 165 с.
3. Кареев Н. И. Введение в изучение социологии. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. 418 с.
4. Ланглюа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории / Пер. с фр. А. Серебряковой. Санкт-Петербург : Склад изданий и книжный магазин для иногородних О. Н. Поповой, 1899. 275 с.
5. Малинов А. В. Павел Гаврилович Виноградов: Социально-историческая и методологическая концепция. Санкт-Петербург : Нестор, 2005. 216 с.
6. Медушевская О. М. Методология истории как строгой науки // Методология истории : в 2 т. Т. 1 / А. С. Лаппо-Данилевский ; подг. текста Р. Б. Казаков, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 23–84.
7. Нечухрин А. Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.). Гродно : ГрГУ, 2002. 349 с.
8. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Концепты «общество» и «эволюция» в трактовке М. М. Хвостова // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1. С. 7–16.
9. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Особенности научного мировоззрения М. М. Хвостова // Вестник Московского университета. 2020. № 4. С. 56–74.
10. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. М. М. Хвостов: восхождение к вершинам научной и профессиональной деятельности // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4. С. 89–100.
11. Новиков М. В., Перфилова Т. Б. «Это был человек труда»: памяти М. М. Хвостова // Вопросы истории. 2020. № 10. С. 166–173.
12. Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1976. 221 с.
13. Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. Москва : Рус. яз., 1987. 608 с.

14. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. Москва : Аквилон, 2014. 576 с.
15. Уткина Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России (вторая половина XIX века). Москва : Наука, 1975. 320 с.
16. Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта (332 г. до Р. Х. – 284 г. по Р. Х.). Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1907. 479 с.
17. Хвостов М. М. История Греции. Лекции, читанные в Казанском университете и на Казанских высших женских курсах. 2-е изд., доп. / Под ред. Г. Пригоровского. Москва : Государственное изд-во, 1924. 262 с.
18. Хвостов М. М. История Древнего Востока. 2-е изд. / Под ред. Г. Пригоровского. Ленинград : Государственное изд-во, 1927. 275 с.
19. Хвостов М. М. История Древней Греции // Энциклопедический словарь русского bibliографического института Гранат. 12-е стереотипное изд. Москва, б/г. Т. XVI. С. 528–624.
20. Хвостов М. М. История Рима: конспективное изложение лекций, читанных в 1906–1907 академическом году. Казань, 1907. С. 1–6.
21. Хвостов М. М. К вопросу о задачах истории // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете (5 декабря 1879 – 5 декабря 1909 года). Москва : Печатня С. П. Яковлева, 1909. С. 791–824.
22. Хвостов М. М. Лекции по методологии и философии истории. Изд. 2-е. Москва : Либроком, 2011. 101 с.
23. Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск : Изд-во ТГУ, 1978. 172 с.

"The history of states" and "the history of events" in the scientific discourse of M. M. Khvostov

M. V. Novikov¹, T. B. Perfilova²

¹Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.

Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

²Doctor of Historical Sciences, professor, leading researcher, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article considers M. M. Khvostov's system of views on the nature of social evolution in relation to the history of the peoples of the Ancient World. The eclecticism of the scientist's ideas is noted, which was most clearly manifested in the course of his arguments on the problem of the interaction of the "history of states" and the "history of events", which is important for the philosophy of positivism. "State" in the scientist's interpretation is "general changes" and "similar in individual events", "events" is an accident, a "catastrophic element". Attention is drawn to the peculiar interpretation of the concept of "catastrophe" by Khvostov, whose analogues he considered "case", "event", "moment". The author notes Khvostov's attempt, like many representatives of "critical" positivism, to psychologize the historical process, to find the causes of "catastrophes" in the originality of the psychology of individuals and social groups that make up society: the more originality, the more "catastrophic element in society", the more such a society will deviate from the continuous sequential process of evolutionary development. Turning to the problem of personality in history, Khvostov argued that no matter how grandiose and significant a person, including Alexander the Great, Julius Caesar, Peter the Great, she "cannot produce significant coups in states", although in the history of individual "events", such as the revolution, it would be rash to ignore the role of personality. It is emphasized that Khvostov has always been attracted to highlight the main and essential in historical development, he sought to understand the nature of the mass, typical, to find stable connections between events and phenomena, to find historical analogies. At the same time, it is noted that Khvostov is unwilling to seriously address the problem of the relationship between the concepts of "history of states" and "history of events", to accept that these two concepts are two sides of the same historical process forming a stable system, that there are relationships between them, and "states" can influence "events", and "events" – on "states".

Keywords: "history of states", "history of events", human society, evolution, revolution, catastrophe, historical personality, eclecticism.

References

1. Bernheim E. *Vvedenie v istoricheskuyu nauku* [Introduction to historical science] / Transl. from Germ.; ed. by Prof. S. E. Sabinin. M. Edition of M. N. Prokopovich. 1908. 185 p.
2. Simmel G. *Problemy filosofii istorii (Etyud po teorii poznaniya)* [Problems of the philosophy of history (A study on the theory of knowledge)] / Transl. ed. by V. N. Lind. M. Knizhnoe delo. 1898. 165 p.

3. Kareev N. I. *Vvedenie v izuchenie sociologii* [Introduction to the study of sociology]. SPb. M. M. Stasyulevich's Printing house. 1897. 418 p.
4. Langlois Sh.-V., Senobos Sh. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the study of history] / Transl. from Fr. by A. Serebryakova. SPb. A warehouse of publications and a bookstore for nonresidents by O. N. Popova. 1899. 275 p.
5. Malinov A. V. *Pavel Gavrilovich Vinogradov: Social'no-istoricheskaya i metodologicheskaya koncepciya* [Pavel Gavrilovich Vinogradov: Socio-historical and methodological concept]. SPb. Nestor. 2005. 216 p.
6. Medushevskaya O. M. *Metodologiya istorii kak strogoj nauki* [Methodology of history as a strict science] // *Metodologiya istorii : v 2 t. T. 1* – Methodology of history : in 2 vols. Vol. 1 / A. S. Lappo-Danilevsky; prep. of texts by R. B. Kazakov, O. M. Medushevskaya, M. F. Romyantseva. M. Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 2010. Pp. 23–84.
7. Nechuhrin A. N. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy rossijskoj pozitivistskoj istoriografii (80-e gg. XIX v. – 1917 g.)* [Theoretical and methodological foundations of Russian positivist historiography (80-ies of the XIX century – 1917)]. Grodno. GrSU. 2002. 349 p.
8. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Koncepty "obshchestvo" i "evolyuciya" v traktovke M. M. Khvostova* [The concepts of "society" and "evolution" in the interpretation of M. M. Khvostov] // Herald of humanitarian education. 2021. No. 1. Pp. 7–16.
9. Novikov M. V., Perfilova T. B. *Osobennosti nauchnogo mirovozzreniya M. M. Khvostova* [Features of the scientific worldview of M. M. Khvostov] // *Vestnik Moskovskogo universiteta* – Herald of Moscow University. 2020. No. 4. Pp. 56–74.
10. Novikov M. V., Perfilova T. B. *M. M. Khvostov: voskhozhdenie k vershinam nauchnoj i professional'noj deyatel'nosti* [M. M. Khvostov: ascent to the heights of scientific and professional activity] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Herald of humanitarian education. 2020. No. 4. Pp. 89–100.
11. Novikov M. V., Perfilova T. B. *"Eto byl chelovek truda": pamyati M. M. Khvostova* ["It was a man of labor": in memory of M. M. Khvostov] // *Voprosy istorii* – Questions of history. 2020. No. 10. Pp. 166–173.
12. Safronov B. G. *Istoricheskoe mirovozzrenie R. Yu. Vippera i ego vremya* [The historical worldview of R. Yu. Vipper and his time]. M. Moscow University. 1976. 221 p.
13. *Slovar' inostrannyh slov. 14-e izd., ispr.* – Dictionary of foreign words. 14th ed., corr. M. Rus. yaz. (Russian language). 1987. 608 p.
14. *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar'* – Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary / Ed. by A. O. Chubaryan. M. Aquilon. 2014. 576 p.
15. Utkina N. F. *Pozitivizm, antropologicheskij materializm i nauka v Rossii (vtoraya polovina XIX veka)* [Positivism, anthropological materialism and science in Russia (the second half of the XIX century)]. M. Nauka. 1975. 320 p.
16. Khvostov M. M. *Istoriya vostochnoj trgovli greko-rimskogo Egipta (332 g. do n.e. – 284 g. po n. e.)* [History of the Eastern trade of Greco-Roman Egypt (332 BC – 284 AD)]. Kazan. Typo-lithography of the Imperial University. 1907. 479 p.
17. Khvostov M. M. *Istoriya Grecii. Lekcii, chitannye v Kazanskom universitete i na Kazanskih vysshih zhen'skih kursah. 2-e izd., dop.* [History of Greece. Lectures given at Kazan University and at Kazan Higher Women's courses. 2nd ed., suppl.] / Ed. by G. Prigorovsky. M. State Publishing House. 1924. 262 p.
18. Khvostov M. M. *Istoriya Drevnego Vostoka. 2-e izd.* [History of the Ancient East. 2nd ed.] / Ed. by G. Prigorovsky. L. State Publishing House. 1927. 275 p.
19. Khvostov M. M. *Istoriya Drevnej Grecii* [History of Ancient Greece] // *Enciklopedicheskij slovar' russkogo bibliograficheskogo instituta Granat* – Encyclopedic dictionary of the Russian Bibliographic Institute Granat. 12th stereotypical ed. M. Withot year. Vol. XVI. Pp. 528–624.
20. Khvostov M. M. *Istoriya Rima: konspektivnoe izlozhenie lekcij, chitannyh v 1906–1907 akademicheskom godu* [The history of Rome: a summary of lectures given in the 1906–1907 academic year]. Kazan. 1907. Pp. 1–6.
21. Khvostov M. M. *K voprosu o zadachah istorii* [On the question of the tasks of history] // *Sbornik statej, posvyashchennyh Vasiliyu Osipovichu Klyuchevskomu ego uchenikami, druž'yami i pochitatel'yami ko dnyu tridcatiletiya ego professorskoj deyatel'nosti v Moskovskom universitete (5 dekabrya 1879 – 5 dekabrya 1909 goda)* – Collection of articles dedicated to Vasily Osipovich Klyuchevsky by his students, friends and admirers on the day of the thirtieth anniversary of his professorial activity at Moscow University (December 5, 1879 – December 5, 1909). M. Printing house of S. P. Yakovlev. 1909. Pp. 791–824.
22. Khvostov M. M. *Lekcii po metodologii i filosofii istorii* [Lectures on methodology and philosophy of history]. 2nd ed. M. Librocom. 2011. 101 p.
23. Khmylev L. N. *Problemy metodologii istorii v russkoj burzhuznoj istoriografii konca XIX – nachala XX v.* [Problems of the methodology of history in the Russian bourgeois historiography of the late XIX – early XX century]. Tomsk. TSU. 1978. 172 p.